

С. Л. Толстой

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ СТРАХОВ

Публикация Н. П. Пузина

Публикуемый очерк «Николай Николаевич Страхов» принадлежит перу С. Л. Толстого. Это одна из глав, предназначавшаяся автором для его мемуаров «Очерки былого», но она, однако, никогда не публиковалась ранее и впервые публикуется нами.

Обширная переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым охватывает период с 1870 по 1896 гг. Страхов преклонялся перед творческим гением Толстого, и Толстой в свою очередь относился к Страхову с чувством глубокого уважения и ценил в нем обширные познания в области литературы, философии и естественных наук. В письме от 27 ноября 1877 г. Толстой называет Страхова — «дорогим и единственным духовным другом»¹. Страхов неоднократно выражал чувство восхищения перед Толстым: «Не счастье ли, не величайшее ли счастье знать такого человека, как Вы, и побывать в таком уголке земли, как Ясная Поляна? Вы создали вокруг себя этот чудесный мир, такой цельный и стройный, и в нем господствует Ваш дух; простой, высокий и чистый»².

Воспоминания старшего сына Л. Н. Толстого дополняют наше представление о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова.

Был тихий августовский вечер 1871 года, когда я услышал мягкие звуки рессорного экипажа, подъезжавшего по «прешпекту» к яснополянскому дому. Слышно было, как экипаж въехал в аллею из сирени и акации и там остановился. Очевидно, кто-то приехал из Тулы на легковом извозчике. Оттуда вышел человек среднего роста в широкополой серой шляпе, в сером пальто, с большой головой, короткими ногами и широкой окладистой русой бородой. Серый человек пошел мелкими шажками по дорожке мимо каменной террасы. В это время на балконе верхнего этажа сидели мои родители, тетя Таня Кузминская, я и еще кто-то. Отец оттуда учтиво спросил: «С кем имею удовольствие...?» Человек в сером, сняв шляпу, сказал: «Я — Страхов».

Отец сбежал вниз и пригласил его в дом.

Он знал, кто был Страхов, по его статье о «Войне и мире» и по начавшейся переписке с ним по поводу его статьи

по женскому вопросу. Еще не будучи с ним знаком, отец в письме выражал ему «сильнейшую симпатию» и приглашал приехать в Ясную Поляну.

С этого 1871-го года началось знакомство и дружба Николая Николаевича с моим отцом. Он сблизился со всей нашей семьей и чуть ли не каждый год до 1895 года стал проводить часть лета в Ясной Поляне. Обширная переписка его с отцом издана Толстовским Музеем.

Страхов обыкновенно помещался за перегородкой в комнате под залой, так называемой комнатой с бюстом Николая Николаевича Толстого, бывшей одно время кабинетом отца, а затем комнатой для приезжих. Утром он писал или читал, причем пил так много крепкого кофе, что отец говорил про него, что он пьян от кофе. Он мало гулял. Кажется, самая дальняя его прогулка была за полторы версты на Воронку, куда он ходил купаться, нередко с моим отцом или с компанией молодежи. Когда он ходил гулять с моим отцом, он просил отца идти медленнее или останавливаться.

— Я млею, Лев Николаевич,— говорил он. А Лев Николаевич смеялся над словом «млею» и продолжал идти тем же шагом.

Иногда Николай Николаевич играл в крокет, бывший одно время в большом ходу в Ясной Поляне.

В 1878 году Страхов приезжал к нам в наше самарское имение, когда мы там проводили лето.

В 1889 году, когда я служил в Петербурге, я бывал у Страхова.

По четвергам к нему приходили гости. Я встретил у него известного поэта Аполлона Майкова³ и неизвестного поэта Кускова⁴. Майков был небольшого роста с седой бородой и в очках. Из его разговора я вынес впечатление, что он скучный человек правого направления. Кусков был более оживленным собеседником. Между прочим, Страхов дал мне сборник стихотворений Кускова (теперь библиографическая редкость), в нем Кусков воспевал свою жену, с которой постоянно ссорился и мирился. Помню его стихи, обращенные к ней, когда он с ней помирился:

Теперь наверно будем мы,
Не говоря худого слова,
Опроверженьем «Власти тьмы»
Льва Николаевича Толстого.

Последний раз Страхов приезжал в Ясную Поляну летом 1895 года.

Умер Страхов 24 января 1896 г. Мне говорили, он мало страдал перед смертью. Последние слова его были: «Ну, теперь я отдохнул, могу поработать».

В следующих строках я вспоминаю некоторые его суждения, сохранившиеся в моей памяти.

О книгах. Страхов любил книги и в своей квартире в Петербурге он составил себе ценную библиотеку. Он говорил, что частному человеку невозможно составить себе библиотеку не только по всем отраслям знания, но даже по тем отраслям, которые его интересуют. Чем же руководствоваться при выборе книг? Он советовал составлять библиотеку из первоисточников. Так, например, надо иметь самого Канта, самого Шопенгауэра, самого Шекспира, самого Гете, самого Дарвина и т. д., но не загромождать свою библиотеку теми писателями, которые писали о всех этих авторах. Разумеется, библиотека специалиста — другое дело; специалисту нужно по возможности полное собрание трудов по его специальности.

Он любил хорошие издания. Он говорил: в книге прежде всего после заглавного листа должно быть помещено оглавление, затем предисловие или введение, затем текст. К сожалению, нередко оглавление помещается в конце книги или после предисловия. Приходится искать его.

О писателях. Страхов не любил Тургенева и, как мне кажется, недооценивал его.

Когда умер Достоевский, Страхову было предложено написать краткую его биографию, что он и сделал. Но он говорил, что ему пришлось о многом умолчать, что он разочаровался в Достоевском и что Достоевский был порочный человек с тяжелым характером и в некоторых вопросах — мелочный. Так, например, он и его жена Анна Григорьевна тщательно скрывали, что она была дочерью придворного слугителя⁵.

Интересна его мысль о творчестве Достоевского. Он говорил: в его творчестве было три этапа, три подъема: 1) «Записки из Мертвого дома», 2) «Преступление и наказание», 3) «Братья Карамазовы».

Страхов не любил публицистов 60-х годов: Писарева, Чернышевского, Добролюбова и др., с которыми в свое время полемизировал. Он особенно ценил Аполлона Григорьева, с которым был дружен, и любил и высоко ставил Н. Я. Данилевского⁶, особенно его книгу «Россия и Европа» и его критику Дарвина и дарвинизма. Пушкиным он восхищался.

О Вагнере. Страхов не был музыкантом, и меня несколько удивляло его увлечение Вагнером. Он даже ездил в Байреит, чтобы слушать Нибелунгов и Парсифалья. Отец скептически относился к Вагнеру и к вагнеризму Страхова. А Страхов говорил: «Лев Николаевич не понимает Вагнера, потому что чувствует в музыке мелодию, но не гармонию». Думаю, что Страхов неверно объяснил нелюбовь Льва Николаевича к Вагнеру. Не сложность гармонии от-

талкивала моего отца от Вагнера, а его сюжеты и расплывчатость формы его музыки, что он бессознательно чувствовал.

О номенклатуре. Когда я был студентом и изучал естественные науки, я жаловался Николаю Николаевичу на обилие названий — латинских названий животных и растений и спрашивал его, зачем нужно знать эту обширную номенклатуру. Он мне ответил: название предмета есть начало его познания, выделение его из хаоса и указание на место его в природе, признание сходства и различия его с другими предметами.

О человеке. Помню, как в одном из разговоров он говорил нам то, что им написано в его книге «Мир как целое». «Человек как животное, есть отборнейшее существо: ходит на двух конечностях, другие две его конечности служат ему для работы и удовлетворения многих его потребностей. Он наиболее приспособлен к движению, несмотря на его большую массу и его вертикальное положение; основание его черепа — прямой угол по отношению к позвоночнику, нервная система развита больше, чем у других животных. Человек — венец создания. Он по отношению к другим организмам составляет то же, что нервная система человека по отношению к другим системам его тела. По отношению к животным человек то же, что голова по отношению к остальному телу».

О шаге. Однажды, когда мы шли со Страховым на купальню, он обратил внимание на то, что шаги каждого из нас были разной длины и темп их был различен. «Шаг человека, — говорил он, — зависит от того, где находится центр тяжести его тела так же как от точки, где находится центр тяжести маятника, зависит амплитуда и быстрота его качаний. Наиболее выгодная и наименее утомительная походка соответствует качанию маятника, вес и центр тяжести которого равен весу и центру тяжести того или другого человека. Человек с длинными ногами, у которого центр тяжести находится высоко, делает большие, но редкие шаги, а человек с короткими ногами и толстым брюхом делает частые, но короткие шаги».

О бесплатном хлебе. Страхов в своих разговорах редко касался социальных и государственных вопросов. Помню одно удивившее меня его суждение из этой области. Он говорил приблизительно так: постепенно предметы общего пользования в городах и даже в деревнях даются людям по все более дешевым ценам и даже бесплатно. Средства передвижения и сообщения (почта) дешевеют; пользование мостовыми, уличным освещением, библиотеками и музеями дается бесплатно. Можно предположить, что со временем будут сделаны еще шаги в этом направлении, например, все будет бесплатно пользоваться хлебом.

О взаимных отношениях Страхова и моего отца можно судить по статьям Страхова о Л. Н. Толстом и по переписке между ними (Толстовский Музей, т. II, 1914 г.). Страхов восхищался не только произведениями Толстого, но и лучшими свойствами его души. Я не слышал, чтобы он спорил с ним, иногда только мягко возражал. Отец доверял учености Страхова и нередко спрашивал его мнения по тому или другому научному вопросу.

Отец всегда прислушивался и к его критическим суждениям по литературе и философии и сочувствовал многим его симпатиям и антипатиям, например, антипатиям к так называемому нигилизму, к сочинениям Владимира Соловьева, к спиритам и др., и к его высокой оценке Канта и Шопенгауэра. Он только не сочувствовал пристрастию Страхова к Гегелю.

Страхов доставлял отцу книги и сведения по истории христианства, исследованию Нового и Ветхого завета, по истории искусства и многое др. Он держал корректуры его сочинений.

Дружественное отношение моего отца к Страхову выражено в письмах к нему. Например, в письме 13 сентября 1871 г. он пишет: «Знаете ли, что меня в вас поразило больше всего? Это — выражение вашего лица, когда вы раз, не зная, что я в кабинете, вошли из сада в балконную дверь. Это выражение, чуждое, сосредоточенное и строгое, объяснило мне вас (разумеется, с помощью того, что вы писали и говорили). Я уверен, что вы предназначены к чисто философской деятельности... У вас есть одно качество, которого я не встречал ни у кого из русских. Это — при ясности и краткости изложения — мягкость, соединенная с силой: вы не зубами рвете, а мягкими сильными лапами!»⁷. В другом письме (март 1878 г.) он ему написал: «Наши отношения так мне дороги с одной стороны, а с другой стороны так тверды и серьезны, что не хочется их портить условными и лестными речами друг к другу»⁸.

Взаимные отношения моего отца с Страховым остались дружественными до его смерти, несмотря на перелом в мировоззрении отца. В письме 18 ноября 1891 г. отец ему написал в ответ на жалобы Страхова на его одинокую жизнь: «Прощайте, милый друг; от души любя, целую вас. Не считайте себя одиноким. Вас любят, и я первый»⁹.

Однако между ними уже не было прежнего единомыслия. После одного разговора отец так выразился о нем: «Страхов как трухлявое дерево, ткнешь палкой, думаешь будет упорка, ан нет — она насквозь проходит, куда ни ткни, — точно в нем нет середины, — вся съедена наукой и философией»¹⁰. Разумеется, это было сказано в дурную минуту, но из этих слов видно, как различны были их характеры: Л. Н. Толстой,

ищущий правду в жизни, а не в книгах, деятельный и убежденный, и Н. Н. Страхов, не деятель, а зритель в жизни, не уверенный в себе, составивший свои убеждения преимущественно из книг.

В продолжение своей долгой жизни Страхов писал много и по разнообразным вопросам. Он был натуралистом, публицистом, журналистом, критиком и философом. Его важнейшие труды следующие: «Критические статьи об Л. Н. Толстом и И. С. Тургеневе», «Заметки о Пушкине и других поэтах», «Борьба с Западом в нашей литературе» (ряд очерков), «Мир как целое», «Об основных понятиях психологии и физиологии», «О вечных истинах (мой спор о спиритизме)», «Философские очерки» и др.

Общепринятое отношение к Страхову в современной ему литературе можно суммировать так: к его критическим суждениям о русской беллетристике — Пушкине, Достоевском, Тургеневе, Толстом и др. — прислушивались; его публицистические статьи, особенно книга «Борьба с Западом в нашей литературе» были встречены враждебно и считались тенденциозными, окрашенными устарелым славянофильством и противными прогрессивному направлению русской литературы; о философских же его взглядах умалчивалось и умалчивается до сего времени.

Прочитав наиболее значительные труды Страхова и слышав его живую беседу, я позволю себе высказать свое суждение о его взглядах. Его крупная заслуга, как критика, состоит в том, что он первый приветствовал «Войну и мир» как выдающееся произведение, вообще высоко и верно оценивал писания Л. Н. Толстого. Однако его восхищение произведениями Л. Толстого не мешало ему указывать и на некоторые их слабые стороны. Так, например, в письме 29 октября 1885 г. к Л. Н. Толстому он резко и, по моему мнению, справедливо критиковал его «Сказку об Иване дураке».

В отрицательном отношении современников Страхова к его публицистике (особенно к его книге «Борьба с Западом») мне кажется есть доля правды. Тем не менее, Страхов был искренним, талантливым и широко образованным писателем. Можно не сочувствовать его славянофильским взглядам, но нельзя не признать, что даже в «Борьбе с Западом в нашей литературе» есть верные мысли, например, о Герцене, о Ренане, о спиритизме и др. Я думаю, что главная его заслуга состоит в установлении и определении некоторых научных и философских понятий.

По своему умственному складу Страхов был прежде всего рационалист. Он писал: «Исследуя науки, мы можем уразуметь вообще дух рационализма, к области которого без сомнения принадлежит все, что в науках есть истинно научного». Замечу, что рационализм Страхова сложился под влия-

янием западноевропейской мысли. Поэтому он напрасно боролся с Западом. В своей книге «Основные понятия психологии и физиологии» он не упоминает ни об одном русском писателе, а цитирует Платона, Декарта, Гегеля, Клода Бернара и др. Он особенно ценил диалектический метод Гегеля, которого старался придерживаться.

Страхов не был ни спиритуалистом, ни материалистом, но он указывал на тесную связь между душевными явлениями и нашим телом.

Рационализм Страхова — сильная сторона его мировоззрения. Но рационализм не удовлетворял его.

В статье «О вечных истинах» на вопрос, почему по его мнению наука (основанием которой служит рационализм) не исчерпывает всех наших духовных потребностей, он отвечает: «Наука не объемлет того, что для нас всего важнее, всего существеннее — не объемлет жизни. Вне науки находится главная сторона нашего бытия — то, что составляет нашу судьбу, то, что мы называем богом, совестью, нашим счастьем и достоинством».

Здесь я позволю себе высказать свое мнение: я думаю, что никакую сторону нашей жизни нельзя изъять из области научного исследования и что ко всем областям человеческой жизни приложим научный метод, единственно разумный и верный.

Страхов сам сознавал, что у него не было творческого дара, но он ценил в себе ясность мысли и независимость суждений. Он говорил про себя, что он трезвый среди пьяных, и в этой его оценке самого себя была доля правды. Он был прежде всего критиком — литературным и научным и как таковой высказал много верных и глубоких мыслей.

Страхов был добрым, нравственным и скромным человеком. Он был одинок и в жизни, и в литературе. Он это сознавал: это видно из следующего его стихотворения:

Кто крепок и богат душою,
Тот в жизни над людьми царит:
Одних любовью он дарит,
Других казнит своей враждою.
Но ты, несчастное создание!
Душою скуден ты и хил,
Сам у людей всю жизнь просил
Ты крох любви, как подаянья,
И, как огонь, тебе всегда
Была страшна людей вражда.

Но он был зрителем в жизни и ясно видел многое, плохо видимое другими, но он не был деятелем; он боялся жизни. Это он не раз высказывал в своих письмах и выразил в следующем стихотворении:

И осторожно и небрежно
По тропке жизненной плетусь,
И всякой дряни я боюсь,
Но не того, что неизбежно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой и о Толстом. Сборник 2. М., 1926, с. 38.

² Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Толстовский Музей, т. 11. Спб., 1914, с. 85. Б. Л. Модзалевский в предисловии к этому изданию подчеркивает, что «Толстой был со Страховым в дружеских отношениях, располагавших к полной откровенности»

³ Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт. О нем см. в кн.: Страхов Н. Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. Спб., 1888.

⁴ Кусков Платон Александрович (1834—1909) — поэт, переводчик Шекспира. Его книга: Наша жизнь: Стихотворения, Спб, 1889, 250 с. На тит. листе надпись чернилами: «Графу Льву Николаевичу Толстому смиренное приношение П. А. Кускова 23 янв. 89 г.» Книга сохранилась в Яснополянской библиотеке.

⁵ В письме к Л. Н. Толстому 28 ноября 1883 г. Страхов высказал беспощадную характеристику личности Достоевского. Об отношениях Достоевского со Страховым см.: Лит. наследство, т. 83. М., 1971; Гуральник У. Н. Н. Страхов — литературный критик — Вопросы литературы, 1972, № 7, с. 137—164; Кирпотин В. Я. Мир Достоевского... М., 1980, с. 375.

⁶ Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885) — публицист, естествоиспытатель, друг Н. Н. Страхова.

⁷ Толстой и о Толстом. Сборник 2. М., 1926, с. 28—29.

⁸ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Толстовский Музей, т. II. Спб., 1914, с. 151.

⁹ Там же, с. 438.

¹⁰ Алексеев В. И. Воспоминания. — В кн.: Госуд. литерат. музей. Летописи, кн. 12. Л. Н. Толстой, т. 11. М., 1948, с. 279.